

Анн Бренон

Крестовый поход против альбигойцев: исторические последствия священной войны

Перевод Н. Дульневой

Анн Бренон, палеограф архивариус, главный почетный хранитель архивов Франции.

(Статья написана для сборника «Акты Коллоквиума «Латинский и средиземноморский мир и культурная глобализация», состоявшегося в Безье 6 и 7 июня 2009 года)

В этой статье я предлагаю рассмотреть историческую перспективу крестового похода против альбигойцев. Прежде всего, потому, что 2009 г. - годовщина, отмечающая начало этого похода - способствует критическому анализу истории. Ведь это событие, которому уже восемь веков, свидетельствует о том, что в недрах греческого, а особенно латинского христианства, существовало своего рода искушение «глобализацией» – хотя сам этот термин в то время еще не появился. Искушение придать нормативной власти – как в Церкви, так и монархии - универсальный характер. Это и позволяет безо всякого труда вписаться в поднятую на этом коллоквиуме тему, особенно в раздел «Пространство и власть».

В наше время крестовый поход против альбигойцев часто представляют простой кампанией французского завоевания окситанского Юга в основном по экономическим и политическим причинам. Нельзя отрицать, что, действительно, именно французский король с 1229 года воспользовался результатами этой кампании, и что «бароны Севера», которые в 1209 году подняли крест против защитников еретиков, тоже были движимы материальными интересами, но очень важно отметить, что главной движущей силой этой войны была все-таки религиозная составляющая. Конечно, эта захватническая война была крупным политическим событием, но оно произошло в условиях, когда политика тесно переплеталась с религией, а папство имело огромное влияние на европейскую политику. Окончательное вмешательство короля Франции поставило точку в этой кампании, двадцать лет войны (1209-1229) завершились общей победой трона и алтаря, где каждый получил свое. Капетинги присоединили к своему королевству средиземноморские владения, а Папа получил свободу действий для искоренения ереси и еще больше усилил влияние Церкви на христианский мир.

Рассматривая крестовый поход против альбигойцев как обычную войну и игнорируя его религиозный характер, отказываясь признавать, что еретики обладали собственным богословием и церковной организацией, мы сужаем видение проблемы до такой степени, что приходим к историческому нонсенсу. Рассмотрим, прежде всего, сами термины «крестовый поход», «альбигойцы», «катары», «еретики» - ведь словарь является одним из главных векторов труда историка. Слова эти связаны между собой той же логикой, что и понятия «репрессии» и «власть». В дальнейшем мы будем применять их для того, чтобы ясно изложить цепь событий, начавшихся в 1209 г. – событий, которые определили известный нам результат.

I. Еретики-альбигойцы.

Крестовый поход «против альбигойцев» или «против еретиков-альбигойцев» - эти фразы были неизвестны вплоть до XIX века. Они родились под пером романиста Клода Форея, опубликовавшего в 1837 г. знаменитую окситанскую Песнь (Canzo) XIII века. Конечно, речь действительно шла о крестовом походе – три хроники, написанные современниками этого события, неоднократно употребляют слово «крестоносцы» для обозначения папского воинства. К тому же, сам Иннокентий III весной 1208 г. призвал именно к крестовому походу, то есть, к священной войне в защиту веры и Церкви, и предложил «рыцарям Христовым» индульгенции и отпущение грехов. А как насчет слова «альбигойцы»? Два средневековых автора окситанской Canzo, Гийом Тудельский и Аноним, говорят только о ереси и еретиках которые «господствуют во всем Альбижуа, большей части

Каркассес и Лаурагэ, а их верующие представляют большую часть населения от Безье до Бордо». Другой средневековый хронист, писавший по-латыни, Гийом Пьюлоранский, в свою очередь, указывает на то, что «французы обычно называют «альбигойскими делами» события, имевшие место в провинции Нарбонна и епархиях Альби, Родез, Кагор и Ажен. Официальный летописец крестового похода, французский цистерцианский монах Пьер де Во де Серне, для обозначения этой войны использует только выражение «дело мира и веры», а в другой своей книге под названием *Historia albigensis* уточняет, что еретиков «из Тулузы и других городов» иногда называли «альбигойцами», потому что «другие народы, как правило, называют альбигойцами провансальских (то есть, окситанских) еретиков».

«Французы», «другие народы»... Становится понятным, что термин «альбигойцы» в первые годы XIII столетия является чужим для Окситании, его употребляют люди, не весьма знакомые с окситанскими реалиями. Отметим также, что кроме вышеуказанных трудов, это слово не употребляется больше ни в каких других средневековых текстах, и только некоторые работы более поздних теологов, изучавших ереси между XVII и XIX веками, придали этому термину некое подобие искусственной жизни. Поэтому у термина «альбигойцы» нет особой исторической легитимности. Так о каком именно историческом феномене мы говорим? Разумеется, еще этих средневековых еретиков обычно называют катарами. Но и здесь возникают новые трудности. С точки зрения историка, говорить «катары» - это значит применять уничижительное слово немецкого происхождения, то есть, это ничем не лучше, чем называть их альбигойцами. В XII веке в Рейнских землях слово «катар» ассоциировалось с колдуном, поклоняющимся коту, и его применяли для того, чтобы очернить христианских диссидентов – мужчин и женщин, живших общинами во главе с епископами – мужчин и женщин, которых сжигали заживо в Кельне, Майнце и Льеже как «еретиков».

Помимо того, что само слово «катар» является неверным, некоторые современные историки отвергают также возможность его применения ко всем еретическим группам, осуждаемым по всей Европе в XII-XIII столетиях, считая это несправедливым обобщением. Потому мы здесь со всей возможной определенностью хотим уточнить, что будем использовать термин «катар» только по соглашению, но без всякого энтузиазма, чтобы быть понятыми, поскольку это слово сделалось очень популярным. Итак, мы используем этот термин для того, чтобы обозначить определенный тип еретических групп европейского Средневековья, отвечающих одним и тем же критериям и демонстрирующих исторические связи между собой. Катары, еретики Рейнских земель, Шампани, Бургундии, Боснии, Италии и Окситании не давали себе другого имени, кроме как «христиане» или «апостолы». Эти христиане и апостолы утверждали, что они действительно являются истинной Церковью Христа и апостолов, от Его имени они спасали души и проповедовали Евангелие, а также уделяли крещение покаянием через возложение рук – *consolament*. Они противостояли Римской Церкви, не признавая ни власти Папы, ни иерархии этой Церкви, которую они осуждали. Они сами представляли альтернативную Церковь, со своим клиром – добрыми мужчинами и добрыми женщинами – и верными, мужчинами и женщинами. В соответствии с этими критериями, те, кого французы, по сообщениям средиземноморских хронистов, называли «альбигойцами», были именно катарами.

Несомненно, наиболее часто в средневековых источниках используется обобщающий термин «еретик». Это слово не является нейтральным. Выйдя из употребления под конец античности, оно вновь появляется в западноевропейском христианстве под конец Тысячелетия. Но на самом деле, это новое обличение ереси является признаком новых притязаний Церкви – и папства – управлять миром и устанавливать свой порядок от имени Бога. В самом деле, слово «еретик» не является простой констатацией факта. Ересь не совпадает с инакомыслием. Ересь – это обвинение, влекущее за собой осуждение. Если инакомыслящие просто неосознанно ошибаются, еретик является виновным по определению, потому что он сознательно избрал – этимологический смысл слова «ересь» - порвать с нормой и истиной и, в целом, продолжает держаться своего еретического выбора до самой смерти.

Такое понятие ереси вытекает из жесткого типа утвердившейся политико-религиозной власти, власти, диктующей стандарты истины. Так случилось, когда после Григорианской реформы папство объявило в конце XI века первый крестовый поход в Святую землю. Обличение ереси и дух крестового похода – это родственные понятия, сложившиеся в одном и том же историческом контексте.

II. Происхождение крестового похода.

На переломе XI и XII веков, в контексте Григорианской реформы, освободившей папство от всякого светского контроля, в христианском мире распространяется двойная идеология – папской теократии и крестового похода – идеология, по мнению британского медиевиста Роберта Мура, посеявшая семена «общества преследования». Освобожденная Григорианской реформой от тесных границ итальянского владения, которые ее сдерживали, Церковь, сделавшись объединяющей силой среди раздробленности феодальных государств, стала утверждать свою власть над всем христианским миром. Она превратилась в своего рода понтификальную монархию, доминирующую над европейскими королевствами во время их складывания. Будучи «над королями, баронами и князьями», теократическое папство налагало свою власть на мир по божественному праву, а мир, определяемый как христианство, обязан был, в свою очередь, выступить против темных сил зла, окружавших его со всех сторон и постепенно получивших воплощение. Это были внешние враги, неверные сарацины, против которых организовывался крестовый поход; и враги внутри самого христианства – еретики и другие агенты Антихриста, которых следовало осудить, чтобы восстановить порядок и заставить их замолчать. Эта устойчивая идеология «преследования» на протяжении последующих веков будет искать все новые категории жертв, которые должны быть исключены из общества – евреев, прокаженных, ведьм...

Священная война против неверных и охота на еретиков следовали одной и той же исторической логике, и в нее вписывается и крестовый поход против альбигойцев. Эта тенденция зародилась после призыва к крестовому походу Урбана II в 1096 году и массового порыва с криками «Сие угодно Богу!». Затем понятие крестового похода было отточено в XII веке молодым цистерцианским орденом и его знаменитым глашатаям Бернардом из Клерво. Будущий святой Бернард придумывает даже специальный термин – *malicide*, «убийца зла» - восхваляя «новую милицию» рыцарей Христовых, которые бьются за Бога и убивают неверных, но при этом не совершают никакого греха убийства, а, наоборот, заслуживают Спасения. Убийство во имя Христа стало вполне законным для христианина, и даже для духовного лица – как тамплиеров и госпитальеров. В 1178-1181 гг. Анри де Марси, аббат Клерво и папский легат, участвовал в вооруженном вторжении в Лангедок при попустительстве тогдашнего графа Тулузского. Тем самым он способствовал тому, что идея священной войны против ереси стала обретать плоть и кровь. Избранный в 1198 году великий Папа Иннокентий III достиг кульминации этой двойной идеологии папской теократии и крестового похода. Цистерцианцы, и прежде всего Арнаут Амори, тоже присоединили свои имена к этому явлению, которое стало завершением концепции крестового похода, священной войны в христианские земли против внутренних врагов: крестовому походу против альбигойцев.

В свою очередь, времена правления Папы Иннокентия III на переломе XII-XIII веков, действительно стали апогеем священной войны. В 1202-1204 гг. четвертый крестовый поход в Святую землю против сарацин обернулся против православной христианской империи – раскольнической Византии. Хотя Папа осудил массовые убийства христианского населения Зары, основание Латинской империи в Константинополе без всяких сомнений отвечало его стремлениям. 16 июля 1212 года победа арагонского короля Педро II Католика над сарацинами в Испании в *Las Navas de Tolosa* (Лас-Навас-де-Толоса) стала первым триумфом еще одного крестового похода – Реконквисты. И, наконец, начиная с 1209 г., крестовый поход против альбигойцев, христиан-еретиков и их защитников, оставил свой неизгладимый след на землях крупных вассалов французской и арагонской короны. В 1215 г., незадолго до своей смерти, Папа Иннокентий III планирует еще одно крупное наступление – крестовый поход против мусульман, чтобы отвоевать Иерусалим и Святую землю.

«Благословен Господь наш Иисус Христос, который по милосердию Своему в наши времена счастливого понтификата Папы Иннокентия позволил христианам-католикам одержать победу над тройной чумой врагов святой Церкви – раскольниками на Востоке, еретиками на Западе и сарацинами на Юге».

Эта фраза Арнаута Амори, аббата Сито и папского легата (письмо генеральному капитулу Сито), который в сентябре 1212 г. объединил в одной и той же фигуре чумы трех врагов тогдашнего Рима, четко и ясно иллюстрирует уровень, которого достигла идеология воинствующей Церкви и крестового похода, приведшая к крестовому походу против альбигойцев.

III. На пути к новому миру...

Сегодня существует тенденция рассматривать «крестовый поход против альбигойцев» как «войну Севера против Юга», которая была развязана из экономических и политических причин с чисто завоевательными целями. Но такие выводы несколько поспешны, потому что реальность была гораздо сложнее. Это был самый настоящий крестовый поход, священная война, ведущаяся отныне не только против внешних по отношению к христианству врагов, как сарацины, но и внутренних врагов христианского мира, как мы видим это из призыва 1208 г. Папы Иннокентия III и его ястребов-цистерцианцев. Король же Франции - Филипп-Август – противился этому походу, как только мог. Когда самый амбициозный из «северный баронов», Симон де Монфор весьма эффективно пытался урезать королевские фьефы и основать собственную династию в Лангедоке, его благочестие было неоспоримым. Он, скорее всего, ни на минуту не сомневался в том, что выступает с оружием в руках во славу Христа и Пресвятой Девы, а его кровавые подвиги принесут ему прощение грехов в загробной жизни.

Папство всерьез занялось уничтожением того, что оно определило как ересь, которая в окситанских графствах стала реальным фактом общественной жизни. Во времена, когда Церковь выработала свои жесткие догматы и принялась основывать модель святости не на образцах апостольской жизни, но на строгом соблюдении установленной ортодоксии, диссидентские проповеди больше не допускались. Особенно, если эти проповеди пробивали брешь в теократических претензиях Иннокентия III на управление христианским миром, который возвышал себя над всеми правителями как викарий Иисуса Христа и представитель Бога на земле. Еретики же, для которых в вечности иного мира существовало только Царство Божье, отказывающиеся обосновывать Евангелием какое-либо институализированное насилие, действительно с такой точки зрения выглядели как подрывные элементы.

Но все же, почему и каким образом дело дошло до войны? В Лангедоке, на землях графов Тулузского и де Фуа, а также виконтов Тренкавель, их вассалов и вассалов их вассалов, ересь публично находилась под защитой светских властей. Расстановка политических сил не могла допустить там репрессий, полыхающих во Франции и Германии. Кроме того, в первые годы XIII века, Иннокентий III послал крупную цистерцианскую миссию (состоявшую как минимум из тридцати монахов и двенадцати аббатов, под руководством троих папских легатов), целью которой было вернуть к ортодоксии окситанское население и публично *дискутировать* с катарскими проповедниками. Очевидный провал их антиеретической пастырской деятельности пробудил в 1206 г. призвание кастильского епископа Диего из Осмы, проходившего через Лангедок со своим каноником Домиником. Но, к сожалению, последствия были неутешительны: смерть харизматического Диего в декабре 1207 года подрезала крылья сторонникам мира, а убийство в январе 1208 г. одного из самых ненавидимых местными жителями папских легатов подлило масла в огонь. Иннокентий призвал к крестовому походу. Филипп-Август был не очень рад папским претензиям на вмешательство в дела своего крупного тулузского вассала и отреагировал сдержанно, просто позволив своим трем баронам принять крест. Собралась огромная армия. Именно благодаря этой войне Доминик, по своей сути учредитель и устроитель, будет развивать деятельность ордена проповедников. Крестовый поход против альбигойцев, направленный против князей и сеньоров, защищавших еретиков,

был затеян с целью нарушить сложившийся баланс расстановки сил и искоренить ересь. Впрочем, насилие и политика шли рука об руку с захватническими аппетитами.

Тем не менее, несмотря на первоначально блестящие успехи – резню в Безье, взятие Каркассона, костры в Минерве, Лаворе и Кассес, рост могущества Симона де Монфора и его клана, крестовый поход 1209 года против князей Юга – защитников еретиков, к которому призвал христианских баронов Папа Иннокентий III, закончился провалом. В 1224 году окситанские князья отвоевали назад свои земли, а французские бароны, казалось, были окончательно изгнаны из Лангедока. Но король Франции Людовик VIII, став правопреемником династии Монфоров, вторгся в графства Юга и, начиная с 1226 года, *королевский крестовый поход* сменил *крестовый поход баронов*. Отныне французская корона ведет систематическую захватническую войну. В 1229 г. виконтство Тренкавель было ликвидировано, Раймонд VII Тулузский покорился Капетингам, которые утвердились в Лангедоке, создав там королевское сенешальство Каркассон. Эта война началась по воле Церкви, но, в конце концов, ее выиграл король Франции – а проиграла окситанские феодалы – защитники еретиков. Теперь соотношение сил изменилось: у Церкви были развязаны руки. Можно также сказать, что этот крестовый поход стал звеном в цепи процессов, приведших от расцвета цистерцианцев к основанию Инквизиции и торжеству доминиканского порядка.

В «усмиренном» военным путем Лангедоке папство, начиная с 1233 г., установило безапелляционный религиозный трибунал – Инквизицию, вверенную молодым нищенствующим монашеским орденам – доминиканцам и францисканцам. Эти ордена воплотили собой новую ориентацию христианских идеалов и сделали, сменив цистерцианцев, новым орудием ортодоксии. Инквизиция имела исповедническую функцию – и в этом смысле ее целью было примирить с верой папы и короля присоединенное население. Но в качестве следственного трибунала она по максимуму использовала собранные в обязательном порядке исповеди как свидетельские показания в суде с целью обезглавить ушедший в подполье катаризм и ликвидировать одного за другим его служителей – травимых добрых мужчин и добрых женщин. Чтобы выследить и уничтожить связи солидарности и подпольные сети в семьях и деревнях, которые защищали подпольщиков, Инквизиция использовала методы устрашения и ввела систему всеобщего доноительства. Наказания для простых верующих начинались от принуждения носить крест бесчестья до конфискации имущества, вечного заточения и костра за повторное впадение в ересь. Для пойманных добрых мужчин и добрых женщин альтернатива была проще: тюрьма для раскаявшихся и отрекшихся, костер для упорствующих – а последних было подавляющее большинство.

Заключение

Падение Монсегюра и массовый костер 16 марта 1244 года положили конец политическим надеждам графа Тулузского и всей организации катарской Церкви Лангедока. С того времени последнее религиозное подполье постепенно отчаивается. Но все равно Инквизиция должна будет устроить сто лет организованной травли, систематического террора, бюрократических доносов – и идеологической пропаганды с кафедр - чтобы вытравить катаризм из глубины сердец и лабиринта деревень Окситании.

Провозглашенный Папой и пропагандируемый орденом Сито, крестовый поход против альбигойцев, в конце концов, стал победой короля – и доминиканских порядков. Он способствовал динамической централизации королевства Капетингов, а одним из далеко идущих его последствий стало зарождение Инквизиции - и догматики томизма. Так исчез окситанский катаризм – основная причина этого похода. Но он не умер в Окситании в первой трети XIV века «из-за внутренней доктринальной слабости» - как это можно иногда прочесть. Сохранившиеся книги и проповеди катаров свидетельствуют о его прекрасном теологическом уровне. Он не умер естественной смертью, но после двадцати лет священной войны и ста лет систематических преследований, в контексте создания нового мирового монархического и религиозного порядка, породившего и другие многочисленные изменения. Просто это был новый мир, из которого все прежнее было изгнано.

Ответы на вопросы присутствующих.

Вопрос: Почему местные (окситанские) сеньоры поддерживали катарскую Церковь?

Анн Бренон: Потому что это была их христианская Церковь, семейная, деревенская. Если мы вернемся к временам до начала репрессий, в XIII век, то увидим, что катаризм в Окситании был мужским и женским монашеским орденом, не более того, и не всегда противоречившим тому, что проповедовал приходской священник. Это сегодня, оглядываясь назад, уже после начала крестового похода, когда каждый избрал свой лагерь, мы говорим о том, что такие-то были еретиками, а такие-то – католиками. Но до крестового похода вопрос так не стоял. На то время следует говорить не о катаризме, но о новом религиозном движении, производящем впечатление немного более архаического христианства – я употребляю слово «архаический» не в обидном смысле. Кроме того, хотя взгляд историка пытается исследовать социологию окситанского катаризма с как можно более раннего периода, благодаря архивам Инквизиции, которые дают нам сведения о событиях 1200-1245 гг, в связи с тем, что пожилые люди вспоминают о том, что было сорок и более лет тому, мы, к несчастью, очень мало знаем о том, что было до 1200 года. Но когда мы начинаем углубляться в окситанский катаризм, то видим, что там, в деревне, есть дома добрых мужчин и добрых женщин, открытые для всех, кто приходит с улицы. Вдова сеньора или его младшая дочь становились такими же добрыми женщинами, как и другие, сеньор становился таким же добрым человеком, как и другие. Действительно, сословие сеньоров уже тогда защищало и приумножало катаризм. Никакого антагонизма. Это средневековый мир, в котором не так уж много иерархии, по крайней мере, нет пирамидальной иерархии, отсутствует право старшинства, а катарские Церкви – многолюдные, децентрализованные, независимые друг от друга и все же связанные между собой хорошими отношениями – и все шло хорошо в этом окситанском мире.

Вопрос: Мне было бы интересно узнать Ваше мнение о томизме, о святом Фоме Аквинском и его отношении к Инквизиции.

Анн Бренон: Я попыталась здесь рассмотреть в исторической перспективе великий поворот XIII столетия, начавшийся с крестового похода против альбигойцев и фактически завершившийся томизмом, поскольку святой Фома Аквинский родился в 1225 г. Действительно, тогда создавался новый христианский порядок, и он воплотился именно в этом замещении цистерцианцев доминиканцами, сделавшимися новым орудием религиозного завоевания. Цистерцианцы оказались «собратями» еретиков, которые столетием ранее были символом новаторства, поскольку тогда они мечтали о пути апостолов, то есть, о возвращении на путь апостолов. Когда жгли первых еретиков, которые называли себя апостолами – первых прото-катаров в Германии в 1140-х годах – то они желали вернуться к идеалам апостольской жизни, идеалам Евангелия. На тот момент проповеди Римской Церкви тоже вдохновлялись, скорее, образцом апостольской жизни, чем доктриной, но потом настал великий поворот XIII столетия, когда доминиканцы заменили францисканцев.

Гениальный ход Доминика состоял в том, чтобы послать своих братьев в Париж учиться, и это дало толчок своего рода развитию теологии. Много говорят о Латеранском соборе 1215 года, поскольку именно он лишил прав окситанских князей, виконта Тренкавель и графа Тулузского, но менее известна его роль в реорганизации христианства. Ведь именно на Латеранском соборе великий Папа и великий юрист утвердил основы нового христианства, предшествующего современному - христианства, которое базировалось на

границах приходов, Символе веры, обязательной исповеди. Разграничение приходов было новеллой, но на соборе были приняты также и догматические нововведения, как догмат о Преосуществлении, подтвердивший догматическое значение Латеранского собора 1215 года. Это было настоящим началом, настоящим трамплином, от которого оттолкнулся молодой доминиканский орден, ставший ученым, университетским орденом, и этот процесс завершился «Суммой» Фомы Аквинского.

Есть прекрасная докторская диссертация по теологии, которая была защищена около пятнадцати лет назад – диссертация протестантского теолога Ролана Пупена, который теперь является пастором в Антибе. Она была напечатана издательством Loubatieres в 1994-1995 гг. под названием «Папство, катары и Фома Аквинский». В ней демонстрируется, что теология томизма является реакцией на ересь катаров, а сама эта теология стала завершением всех этих колебаний XII века на границах святости и ортодоксии.

Вопрос: Есть ли какие-либо элементы, с помощью которых можно было бы рассчитать в цифрах феномен катаризма, и действительно ли мотивация северных баронов была исключительно религиозной?

Анн Бренон: Я быстро отвечу на второй вопрос: я не говорила об исключительности этого мотива. Просто в наше время крестовый поход против альбигойцев часто представляют как обычную завоевательную войну, а я бы хотела восстановить справедливость и напомнить, что это была также священная война. Это был крестовый поход, не забывайте об этом. В этой игре участвовали все элементы.

Что до Вашего первого вопроса, то ответить на него сложнее. Потому что, кроме документов, позволяющих представить в цифрах социологию окситанского катаризма, следует взглянуть на общую панораму катарского общества Окситании, и учесть, что все слои этого общества были затронуты катаризмом. Благородные семьи – особенно мелкая сельская аристократия, ремесленники, торговцы, горожане – все они, как и крестьяне были очень вовлечены в катаризм. А вот если мы обратимся к цифрам, то увидим, что это намного более деликатный вопрос – потому что источники очень фрагментарны. Складывается впечатление, что существует огромное количество документов Инквизиции, потому что наличествуют тысячи показаний, но в целом сохранился один реестр из шести. Остальные пропали. Таким образом, мы обладаем чем-то вроде прожектора, освещающего ту или иную деревню в 1245 или 1265 годах. Единственный реестр, сохранившийся по региону Альбижуа – это реестр инквизитора Бернара де Кастене от 1285 года, из которого следует, что в Альби в 1285 году было 5% катаров. Однако, если из этого делать вывод, что в Окситании было 5 % катаров, то это просто нелепо. Чтобы установить процентное соотношение, надо проникнуть в глубины сознания. До начала репрессий никто в деревне не обязан был выбирать лагерь, все вокруг были христианами. Все ходили на мессу к попу, слушали проповедь попа, и все ходили в дом добрых людей, чтобы послушать проповедь диакона или епископа добрых людей. А когда приходил последний час, то призывали попа со святыми дарами, и приносили благочестивый дар на его храм, а потом призывали добрых людей, чтобы получить *consolament*, и приносили благочестивый дар в их дом.

Было даже намного лучше. Реестры Инквизиции, сомнительные на демографическом уровне, но на качественном уровне обладающие чрезвычайным богатством, демонстрируют нам ситуации, которые нам сейчас даже представить казалось бы абсурдным. Но в реестрах повторяется раз за разом: такой-то поп приходил слушать проповеди добрых людей или даже жил с ними в одной общине, а такая-то добрая женщина растила сына своего брата-попа, а такая-то аристократическая семья, где было много детей, которые не женились и не стали рыцарями, разделили их между катарскими и католическими орденами. До крестового похода процентное соотношение находилось в подсознании. Возможно, некоторые семьи предпочитали проповеди попа, или, наоборот, катарского диакона. Тенденция рассматривать катаризм по сравнению с католицизмом в общем смысле, а не со средневековым католицизмом, ведет в никуда. Католицизм эволюционировал, а катаризм остался средневековым, поэтому и возникает впечатление пропасти между ними. Однако, чтобы

ощутить значительную разницу между тем, что проповедовал какой-нибудь храбрый местный кюре в конце XII века, и тем, что проповедовали добрые люди, нужно было быть хорошим клириком. Добрые люди попросту говорили о том, что все души будут спасены, а ад не вечен. Попы же слушались Папу и говорили, что некоторые грехи являются смертными, а ад вечен; потому у добрых людей аудитория была, как правило, больше.

Вопрос: Была ли разница в видении крестового похода против альбигойцев и против сарацин в Испании Папой Иннокентием III? Между 1212 и 1230 годом, в Испании ничего не происходило, и ожесточение против Окситании представляется более важным.

Анн Бренон: В это время Иннокентий III уже умер, и действительно, его последователи прилагали все усилия для того, чтобы искоренить ересь на этих не так давно «умиротворенных» христианских землях. Что касается Испании, то известно, что Хайме, сын короля Педро, был достаточно силен, чтобы взяться за оружие.

Вопрос: Я бы хотел немного вернуться к этимологии и истории, особенно к различным названиям, которые давали катарам, особенно в связи с патаренами, еретиками Севера Италии – к примеру, почему у нас, в Вилльфранш де Руэрж, некоторых жителей называли «патаренами».

Анн Бренон: В целом, прозвища, которые давали катарам, были обидными кличками, а сами они не называли себя иначе как «апостолы», «бедняки Христовы» или «христиане». Верующие называли их «добрыми христианами», «добрыми мужчинами» и «добрыми женщинами». Другие названия – унижительные, оскорбительные и обидные. Этимология «kataros», то есть «чистые», датируется 1848 годом и принадлежит Карлу Шмидту, лютеранскому теологу из Страсбурга, который первым написал неплохую книгу о катарах. Алан Лилльский – если вернуться к окситанским источникам – в 1201 году написал огромную «Сумму» в четырех частях против еретиков, и он также приводит этимологию «колдуны, поклоняющиеся коту» на основании экзорцистских текстов Хильдегарды Бингенской, которая, несмотря на свои качества поэтессы, музыкантши и писательницы, точно так же вела борьбу с еретиками. В 1167 году она совершила ритуал экзорцизма над священником. Из тела этого священника вышел демон, который признался ей, что вошел в этого священника ночью во время нечестивых еретических церемоний. Он также сказал ей, что они поклоняются дьяволу, который является им под видом огромного белого кота, на плечах которого виднеются недоразвитые крылья. Во Фландрии их называли фифлами, что-то вроде флейтистов или дудочников, в Бургундии – публиканами (так называли сборщиков налогов, обличаемых Христом в Евангелии, поскольку их не очень почитали). Итальянские патарены – это более подходящий термин, чем «катары», это очень общее название для всей Южной Европы, и намного менее оскорбительное. Патарен ассоциируется с «Патарией» - движением начала XI века, бунтом миланского населения, которое приняло сторону папы в борьбе с коррумпированными прелатами. Патарией назывался квартал тряпичников в Милане. То, что Вы говорите о патаренах – очень интересно, потому что, если Вы прислушаетесь к моему выговору, то поймете, что я окситанка не по рождению, а по выбору. Я родилась к северу от Лиона, но в 25 километрах к югу от водораздела между франко-провансальским языком и языком ойль. Так вот, моя бабушка говорила на франко-провансальском диалекте и называла тряпичников патаренами. Так что некоторые слова остаются.